

**А. Дюма**

**Виконт де Бражелон, или Десять лет спустя.  
Том 3**

**Москва  
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3  
ББК 84  
Д96

Д96 **Дюма А.**  
Виконт де Бражелон, или Десять лет спустя. Том 3 / А. Дюма – М.: Книга по Требованию, 2024. – 478 с.

**ISBN 978-5-4241-1555-4**

В настоящей книге печатаются пятая и шестая части известного романа А. Дюма "Виконт де Бражелон, или Десять лет спустя", завершающего трилогию о мушкетерах.

**ISBN 978-5-4241-1555-4**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2024  
© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2024  
© А. Дюма, 2024

Александр Дюма  
Виконт де Бражелон, или  
Десять лет спустя. Том 3





## Часть пятая

### I. Тут становится очевидным, что если нельзя сторговаться с одним, то ничего не мешает сторговаться с другим

Арамис угадал: выйдя из отеля на площади Бодуайе, герцогиня де Шеврез приказала ехать домой.

Она, несомненно, боялась, что за нею следят, и хотела таким способом отвести от себя подозрения. Однако, возвратившись к себе и удостоверившись, что никто за нею не следит, она велела открыть калитку в саду, выходящую в переулок, и отправилась на улицу Круа-де-Пти-Шан, где жил Кольбер.

Мы сказали, что наступил вечер, — правильнее сказать, наступила ночь, и притом непроглядная. Притихший Париж обволакивал снисходительной тьмой и знатную герцогиню, плетущую свою политическую интригу, и безвестную горожанку, которая, запоздав после ужина в городе, под руку со своим любовником возвращалась под супружеский кров самой длинной дорогой. Г-жа де Шеврез достаточно привыкла к тому, что можно назвать «ночной политикой», и ей было отлично известно, что министры никогда не запираются даже у себя дома от молодых и прелестных женщин, страшящихся пыли служебных канцелярий, а также от пожилых и многоопытных дам, страшящихся нескромного эха министерств.

У подъезда герцогиню встретил лакей, и, по правде сказать, встретил довольно плохо. Рассмотрев посетительницу, он даже позволил себе заметить, что в такой час и в таком возрасте не пристало отрывать г-на Кольбера от трудов, которым он предается перед отходом ко сну.

Но герцогиня де Шеврез, не выказав гнева, написала на листке, вырванном из записной книжки, свое имя — громкое имя, не раз неприятно поражавшее слух Людовика XIII и великого кардинала.

Она написала это имя крупным и небрежным почерком, обычным тогда среди знати, сложила бумагу особым, ей одной свойственным образом и вручила ее лакею без единого слова, но с таким величавым видом, что этот прожженный плут, умевший чутко господ на расстоянии, узнал в ней знатную даму, опустил голову и побежал с докладом к Кольберу.

Можно не добавлять, что, вскрыв записку, министр не удержался от легкого восклицания, и этого восклицания лакею было достаточно, чтобы понять, насколько серьезно следует отнестись к таинственной гостье: он пустился бегом за герцогиней.

Она с некоторым трудом поднялась на второй этаж красивого нового дома, задержалась на мгновение на площадке, чтобы отдышаться, и вошла к Кольберу, который сам распахнул перед ней двери.

Герцогиня остановилась на пороге, чтобы получше рассмотреть того, с кем ей предстояло вести дело. Тяжелая, крупная голова, густые брови, неприветливое лицо, как бы придавленное ермолкой, похожей на те, какие носят священники, — все это с первого взгляда внушило ей мысль, что переговоры не составят труда

и что вместе с тем спор о той или иной частности будет лишен всякого интереса, ибо такая грубая натура должна быть, по-видимому, малочувствительной к утонченной мести и к ненасытному честолюбию.

Но когда герцогиня пригляделась внимательнее к его маленьким, черным, пронизывающим насквозь глазкам, к продольным складкам на его суровом выпуклом лбу, к едва приметному подергиванию губ, которые лишь на крайне поверхностных наблюдателей производили впечатление добродушия, она переменила свое мнение о Кольбере и подумала: «Вот тот, кого я искала».

— Чему обязан я честью вашего посещения, сударыня? — спросил интендант финансов.

— Причина всему — нужда, сударь, нужда, которую я имею в вас, а вы — во мне.

— Счастлив, сударыня, выслушать первую часть вашей фразы; что же до второй ее части...

Госпожа де Шеврез села в кресло, которое ей пододвинул Кольбер.

— Господин Кольбер, ведь вы интендант финансов?

— Да, сударыня.

— И вы хотели бы стать суперинтендантом, не так ли?

— Сударыня!

— Не отрицайте: это затянет наш разговор и ни к чему больше не поведет; это бессмысленно.

— Но, сударыня, несмотря на мое искреннее желание доставить вам удовольствие, несмотря на учтивость, которую я обязан проявлять к даме вашего положения, ничто не могло бы заставить меня признаться, будто я стараюсь сесть на место моего начальника.

— Я вовсе не говорила о том, что вы хотите «сесть на место своего начальника», сударь. Разве что я нечаянно произнесла эти слова. Не думаю, впрочем. Слово «заменить» звучит менее жестко и грамматически здесь уместнее, как говаривал господин Вуатюр. Итак, я утверждаю, что вы хотели бы заменить господина Фуке.

— Но фортуна господина Фуке, сударыня, устоит перед любым испытанием. Суперинтендант — это Колосс Родосский нашего века; корабли проплывают у него под ногами, но они даже не задевают его.

— Я бы тоже охотно воспользовалась этим сравнением. Да, господин Фуке играет роль Колосса Родосского; но мне помнится, я слыхала, как рассказывал господин Конрар... кажется, академик... что, когда Колосс Родосский упал, купец, который свалил его... простой купец, господин Кольбер... нагрузил его обломками четыре сотни верблюдов. Купец! А ведь ему далеко до интенданта финансов.

— Сударыня, могу вас уверить, что я никогда не свалю господина Фуке.

— Ну, господин Кольбер, раз вы упорствуете и продолжаете изображать чувствительность, как будто не зная, что меня зовут госпожой де Шеврез и что я стара, иначе говоря, что вы имеете дело с женщиной, которая была политической противницей кардинала Ришелье и у которой не остается времени, чтобы терять его попусту, — раз вы допускаете подобную неосмотрительность, я найду людей более проницательных и более заинтересованных в том, чтобы добиться удачи.

— В чем же, сударыня, в чем?

— Вы заставляете меня быть очень низкого мнения о нынешних людях, сударь. Клянусь вам, если бы в мое время какая-нибудь женщина явилась к господину де Сен-Мару, который, впрочем, не был семи пядей во лбу, клянусь, если б она сказала о кардинале все то, что я только что сказала вам о господине Фуке, господин де Сен-Мар уже ковал бы железо.

— Но будьте немножко снисходительнее, сударыня.

— Значит, вы согласны заменить господина Фуке?

— Если король уволит господина Фуке, разумеется.

— Снова вы говорите лишнее. Ясно, что раз вы еще не добились его отставки, значит, вы не могли этого сделать. Поэтому я была бы круглой дурой, если б, идя сюда, не принесла с собою того, чего вам не хватает.

— Я в отчаянии, что вынужден упорно стоять на своем, — сказал Кольбер после молчания, которое дало возможность герцогине оценить всю его скрытность, — но я должен поставить вас в известность, сударыня, что вот уже добрых шесть лет на господина Фуке поступает донос за доносом, а положение суперинтенданта нисколько не поколеблено.

— Всею свое время, господин Кольбер; разоблачавшие господина Фуке не носили имени де Шеврез и не имели в своем распоряжении доказательств, равноценных шести письмам кардинала Мазарини, неопровержимо устанавливающим правонарушение, которое я имею в виду.

— Правонарушение?

— Преступление, если это слово вам более по душе.

— Преступление? Совершенное господином Фуке?

— Вот именно... Странно, господин Кольбер, странно: у вас обычно такое холодное и непроницаемое лицо, а сейчас, я вижу, вы прямо сияете.

— Преступление?

— Я в восторге, что это произвело на вас впечатление.

— О, сударыня, ведь это слово заключает в себе столь многое!

— Оно заключает в себе приказ о суперинтендантстве для вас и приказ об изгнании для господина Фуке.

— Простите меня, герцогиня: почти невозможно, чтобы господин Фуке подвергся изгнанию; арест, опала — это уж слишком!

— О, я знаю, что говорю, — холодно продолжала г-жа де Шеврез. — Я живу не так уж далеко от Парижа, чтобы не знать, что здесь творится. Король не любит господина Фуке и охотно погубит его, если ему дадут к этому повод.

— Надо, однако, чтобы повод был подходящим.

— Мой повод вполне подходящий. Поэтому-то я и оцениваю его в пятьсот тысяч ливров.

— Что это значит? — спросил Кольбер.

— Я хочу сказать, сударь, что, имея в руках этот повод, я передам его в ваши руки только в обмен на пятьсот тысяч ливров.

— Отлично, герцогиня, я понимаю. Но поскольку вы назначили продажную цену, ознакомьте меня с вашим товаром.

— О, это не составит труда; шесть писем кардинала Мазарини, как я сказала; автографы эти, конечно, не стоили б таких денег, если б они не устанавливали с полною очевидностью, что господин Фуке присвоил крупные казенные суммы.

— С полною очевидностью? — спросил Кольбер, и глаза его радостно забли-

стали.

— С полной очевидностью. Не хотите ли прочитать эти письма?

— Всей душой! Само собой, копии?

— Само собой, копии.

Герцогиня извлекла спрятанный у нее на груди небольшой сверток, слегка примятый ее бархатным корсажем.

— Читайте, — подала она бумаги.

Кольбер жадно набросился на них.

— Чудесно! — сказал он, закончив чтение.

— Достаточно ясно, не правда ли?

— Да, герцогиня, да; значит, кардинал Мазарини передал деньги господину Фуке, а господин Фуке оставил их у себя; но какие, собственно, деньги имеются тут в виду?

— В том-то и дело! Впрочем, если мы договоримся, я присоединю к этим шести еще седьмое письмо, которое окончательно осведомит вас обо всем.

Кольбер размышлял.

— А подлинники?

— Бесплезный вопрос. Это все равно, как если бы, господин Кольбер, я спросила у вас, будут ли полными или пустыми мешочки с золотыми монетами, которые вы мне вручите.

— Прекрасно, герцогиня.

— Значит, сделка заключена?

— Нет еще.

— Как же так?

— Есть одна вещь, о которой ни вы, ни я не подумали.

— Назовите ее.

— При всех обстоятельствах господина Фуке может погубить только процесс.

— Да.

— И публичный скандал.

— Да. Ну так что же?

— А то, что ни процесса, ни скандала не будет.

— Почему же?

— Потому, что дело идет о генеральном прокуроре парламента; потому, что у нас во Франции все, решительно все: администрация, армия, юстиция, торговля, — все связано цепью взаимного благожелательства, которое зовется корпоративным духом. Поэтому, сударыня, парламент никогда не потерпит, чтобы его глава был отдан под суд. И если бы это случилось, даже по приказанию короля, парламент никогда не осудит своего генерального прокурора.

— По правде сказать, господин Кольбер, это меня не касается.

— Я знаю, сударыня. Но меня-то это, конечно, касается и снижает цену того, что вы принесли. К чему мне доказательства преступления, если оно не подлежит наказанию?

— Но если на Фуке падут подозрения, то и в этом случае он будет отстранен от обязанностей суперинтенданта.

— Велика важность! — воскликнул Кольбер, и его мрачное лицо как-то вдруг осветилось выражением ненависти и мести.

— Ах, господин Кольбер, простите меня, — заметила герцогиня, — я не

знала, что вы столь впечатлительны. Хорошо, превосходно. Но раз вам мало того, что у меня есть, прекратим разговор.

— Нет, сударыня, продолжим его. Но поскольку цена товара упала, ограничьте и вы свои притязания.

— Вы торгуетесь?

— Это необходимо всякому, кто хочет честно платить.

— Сколько же вы предлагаете?

— Двести тысяч ливров.

Герцогиня рассмеялась ему в лицо, но затем внезапно сказала:

— Подождите.

— Вы соглашаетесь?

— Нет, не совсем. Но у меня есть еще одна комбинация.

— Говорите.

— Вы дадите мне триста тысяч ливров.

— Нет, нет!

— Соглашайтесь или нет, как угодно. И это не все.

— Еще что-нибудь? Вы становитесь невозможной, герцогиня.

— Вовсе нет, я больше не прошу у вас денег.

— Чего же вы хотите?

— Услуги. Вы знаете, что я всегда была нежно привязана к королеве.

— И...

— И... я хочу повидаться с ее величеством.

— С королевой?

— Да, господин Кольбер, с королевой, которая мне больше не друг, это верно, и уже давно мне не друг, но может снова сделаться другом, если мне предоставят соответствующую возможность.

— Ее величество, герцогиня, никого больше не принимает. Вам известно, что приступы ее болезни повторяются все чаще и чаще.

— Вот потому-то я и должна повидать королеву. Представьте себе, что у нас во Фландрии заболевания подобного рода — вещь очень частая.

— Рак? Страшная, неизлечимая, роковая болезнь.

— Не верьте этому, господин Кольбер. Фламандский крестьянин — человек первобытный. У него не жена, а рабыня.

— Что же из этого?

— Пока он покуривает свою вечную трубку, жена работает: она черпает из колодца воду, она нагружает мула или осла, она таскает на себе тяжести. Так как она не жалеет себя, то постоянно наносит себе ушибы. К тому же ей частенько достаются побои. А рак происходит от телесного повреждения.

— Это верно.

— Фламандки, однако, не умирают от этого. Когда их страдания становятся им окончательно немого, они находят лекарство. И бегинки в Брюгге изумительно лечат эту болезнь. У них есть целебные воды, настойки, втирания: они дают больной бутылку с водой и свечу и, продавая свои товары, приносят доход духовенству и вместе с тем служат богу. Ее величество выздоровеет и поставит столько свечей, сколько найдет для себя подобающим. Вы видите, господин Кольбер, что помешать моему свиданию с королевой — это почти то же, что царубийство.

— Герцогиня, вы слишком умная женщина, вы сбиваете меня с толку. Я догадываюсь, однако, что ваша великая любовь к королеве объясняется и кое-какой личной выгодой, которую вы рассчитываете извлечь из свидания с нею.

— Разве я стремлюсь утаить это? Вы, кажется, сказали: кое-какую выгоду? Знайте же, что не кое-какую, а очень большую выгоду, и я вам докажу это в немногих словах. Если вы введете меня к ее величеству королеве, мне будет довольно тех трехсот тысяч, которые я потребовала у вас; если же вы мне в этом откажете, я оставляю у себя письма и отдаю их только в случае немедленной выплаты пятисот тысяч.

С этими словами герцогиня решительно встала, оставив Кольбера в неприятном раздумье. Продолжать торговаться было невыносимо; прекратить торг — значило потерять бесконечно много.

— Сударыня, — поклонился он, — я буду иметь удовольствие выплатить вам сто тысяч экю.

— О! — воскликнула герцогиня.

— Но как я получу от вас подлинники?

— Самым что ни на есть простым способом, дорогой господин Кольбер... Кому вы достаточно доверяете?

Суровый финансист принялся беззвучно смеяться, и его широкие черные брови на желтом лбу поднимались и опускались, как крылья летучей мыши.

— Никому, — сказал он.

— Но вы, конечно, делаете исключение для себя самого?

— Что вы хотите этим сказать, герцогиня?

— Я хочу сказать, что если бы вы взяли на себя труд отправиться вместе со мною туда, где находятся письма, они были бы вручены лично вам, и вы могли бы пересчитать и проверить их.

— Это верно.

— Вам следует взять с собой сто тысяч экю, потому что и я также не верю никому, кроме себя.

Кольбер покраснел до бровей. Подобно всем тем, кто превосходит других в искусстве счисления, он был честен до мелочности.

— Сударыня, — заявил он, — я возьму с собой обещанную сумму в виде двух чеков, по которым вы сможете получить ее в моей кассе. Удовлетворит ли вас такой способ расчета?

— Как жаль, что каждый из ваших чеков не стоит миллиона, господин интендант!.. Итак, я буду иметь честь указать вам дорогу.

— Позвольте распорядиться, чтоб заложили моих лошадей.

— Внизу меня ожидает карета.

Кольбер кашлянул в нерешительности. Ему вдруг представилось, что предложение герцогини — ловушка, что, быть может, у дверей его поджидают враги и что эта дама, предложившая продать ему свою тайну за сто тысяч экю, предложила ее за ту же сумму и г-ну Фуке.

Он так медлил, что герцогиня пристально посмотрела ему в глаза:

— Вы предпочитаете собственную карету?

— Признаться, да.

— Вы думаете, что я увлекаю вас в западню?

— Герцогиня, у вас капризный характер, а я, будучи человеком характера

положительного, боюсь быть скомпрометированным какой-нибудь злой шуткой.

— Короче говоря, вы боитесь? Хорошо, поезжайте в своей карете, берите с собой столько лакеев, сколько вам будет угодно... Только подумайте: то, что мы делаем с вами наедине, известно лишь нам обоим, то, что увидит кто-нибудь третий, станет известно всему свету. В конце концов, я не настаиваю; пусть моя карета едет следом за вашей, и я буду рада пересесть в вашу, чтобы отправиться к королеве.

— К королеве?

— А вы уже позабыли? Как! Столь существенное условие нашего договора уже предано вами забвению! Каким же пустяком оно было для вас! Господи боже! Да если б я знала об этом, я спросила бы с вас вдвое больше.

— Герцогиня, я передумал. Я не поеду с вами.

— Правда?.. Почему?

— Потому, что мое доверие к вам безгранично.

— Мне это лестно слышать от вас... Но как же я получу свои сто тысяч экю?

— Вот они.

Интендант нацарапал несколько слов на бумажке и отдал ее герцогине.

— Вам уплачено, — сказал он.

— Ваш жест красив, господин Кольбер, и я воздам вам за него тем же.

Произнося эти слова, она засмеялась. Смех герцогини де Шеврез был похож на зловещий шепот, и всякий, кто ощущает в своем сердце трепетание молодости, веры, любви, — короче говоря, жизнь, предпочел бы услышать скорее стенания, чем это жалкое подобие смеха.

Герцогиня растегнула корсаж и вынула небольшой сверток, перевязанный лентой огненного цвета. Крючки уступили порывистым движениям ее нервных рук, и глазам интенданта, заинтересованного этими странными приготовлениями, открылась бесстыдно обнаженная, покрасневшая грудь, натертая свертком. Герцогиня продолжала смеяться.

— Возьмите, — сказала она, — эти письма написаны самим кардиналом. Они — ваши, и, кроме того, герцогиня де Шеврез соблаговолила раздеться пред вами, как если б вы были... но я не хочу называть имена, которые могли бы заставить вас возгордиться или приревновать. А теперь, господин Кольбер, — продолжала она, поспешно застегивая платье, — ваша карьера сделана; везите же меня к королеве.

— Нет, сударыня. Если вы снова навлечете на себя немилость ее величества и во дворце будут знать, что я — тот, кто ввел вас в ее покои, королева не простит мне этого до конца своих дней. Во дворце найдутся преданные мне люди, которые и введут вас туда, оставив меня в стороне от этого дела.

— Как вам будет угодно, лишь бы я смогла проникнуть к королеве.

— Как зовут брюггских монахинь, которые лечат больных?

— Бегинками.

— Итак — отныне вы бегинка.

— Согласна. Но все же мне придется перестать быть бегинкою.

— Это уж ваша забота.

— Ну нет, извините. Я вовсе не хочу, чтобы передо мной захлопнули двери.

— И это ваша забота, сударыня. Я прикажу старшему камердинеру дежурного офицера ее величества впустить во дворец бегинку с лекарством, способным